

Е Сяои хотел было возразить — мол, какая тебе разница, чем я маюсь? — да и помыться перед сном не мешало бы. Однако портить отношения с новоиспечённым наставником из-за пустяков не хотелось. Если уж тот решил проявить заботу, глупо лезть в бутылку.

В голове у Сяо И всё ещё настырно гудели натянутые струны, но стоило ему коснуться щекой подушки, как он мгновенно провалился в глубокий сон.

Мо Юэ окинул взглядом комнату, больше похожую на собачью конуру, вздохнул, молча навёл порядок и тихо ушёл.

С тех пор каждый вечер Е Сяои забирал две порции ужина и отправлялся на лодку к Цзи Тяню. Наскоро поев, они принимались за уроки.

Так прошло несколько месяцев. Постепенно слух юноши обострился до предела. Теперь ему не нужно было даже подглядывать за чужими пальцами: стоило пару раз прослушать мелодию, как он без труда воспроизводил её сам.

Более того, с этого момента Сяо И, подобно своему наставнику, потерял способность терпеть плохую игру. Стоило кому-то рядом коснуться струн, как его начинало коробить от малейшей фальши.

Большинство местных музыкантов лишь состязались в беглости пальцев да зоркости: они либо безбожно тараторили, либо тянули кота за хвост. Даже если ритм выдерживался верно, звукам не хватало глубины, а моменты их зарождения и угасания казались натужными, лишёнными природной плавности.

Главная же беда крылась в том, что эти горе-виртуозы не ценили саму ноту. Смазав переход, они спешили дальше, не заботясь ни о длительности, ни о чистоте звучания. Разумеется, при таком подходе даже самое красивое произведение превращалось в унылую серость.

Постигнув природу звуков, Е Сяои понял, что игра на гуцине — занятие вовсе не такое уж непостижимое.

Задача музыканта — заставить инструмент говорить. Истеричная музыка — это чистая, внятная речь, где у каждой фразы есть свой выверенный темп и живая эмоция. Любая же фальшь теперь резала ему слух, будто ломаный говор заезжего чужеземца, пытающегося изъясняться на чистом китайском.

Сяо И не стремился к вершинам исполнительского искусства. Ему хватало и того, что он наконец начал понимать мелодии, научился слушать и воспроизводить задуманное.

Когда Е Сяои счёл, что взял от уроков всё необходимое, и объявил о завершении учёбы, Цзи Тянь преподнёс ему в дар собственный инструмент.

— Музыкант обязан сродниться со своим гуцинем, — наставлял его учитель. — Двух одинаковых инструментов не бывает. Хвататься за первый встречный — верный способ запороть игру, ведь ты не знаешь его характера и капризов. Запомни это раз и навсегда: на любых состязаниях или экзаменах играй только на своём. Береги его как собственную жизнь. Если же с ним что-то случится, немедленно ищи замену и привыкай к ней заранее. Если решишь покрасоваться на чужом инструменте и сядешь в лужу, даже не смей называть меня своим наставником.

— Понял, — кивнул Е Сяои, бережно принимая подарок.

На душе у него потеплело. Он привык строить отношения с людьми на взаимной выгоде и трезвом расчёте, а тут — угрюмый, нелюдимый калека, которому он отвалил всего-то жалкую монету в один лан, опекал его с таким рвением. Бескорыстное благородство этого человека тронуло юношу до глубины души, и его напускная настороженность окончательно растаяла, уступив место искренней привязанности.

Перед отъездом наставника Е Сяои вручил ему увесистый мешочек с серебром.

— Учитель, надолго вы уезжаете? Вернётесь ли в Янчжоу навестить меня?

Цзи Тянь привычно напустил на себя суровость:

— И на что мне тут смотреть? Играешь как курица лапой, а туда же — «выпустите меня пораньше»! Глаза бы мои тебя не видели.

Сяо И лишь весело фыркнул и, бесцеремонно ухватив мужчину за рукав, шутливо заканючил:

— Ну уезжаете же, учитель! Неужели так трудно сказать напоследок хоть одно доброе слово? Я же знаю, что вы за меня переживаете.

Помолчав немного, тот нехотя выдавил:

— Коли станешь тосковать по мне... так и быть, проведу.

Сяо И просиял улыбкой. Раз обещал вернуться, значит, всё хорошо.

После отъезда наставника Е Сяои долго не мог найти себе места. Этот эксцентричный гений со скверным характером хоть и изводил его вечными придирками и суровым видом, но заботился о нём как никто другой.

Они часами просиживали у Сломанного моста. В этом промозглом месте, продуваемом всеми ветрами, они репетировали вплоть до самых холодов. И даже когда на старые камни улеглись первые настоящие сугробы, оправдывая поэтичное название пейзажа — «Остатки снега на Сломанном мосту», учитель всё так же стоял рядом.

Упрямый ворчун без конца твердил: «Мёрзнешь — терпи. Истинное мастерство рождается лишь в суровых испытаниях», но на деле пылинки с него сдувал. Стоило пальцам Сяо И хоть немного онеметь от стужи, как Цзи Тянь тут же брал его ладони в свои, бережно растирая и согревая их. В самые же лютые морозы он неизменно приносил с собой дорожную жаровню, чтобы юноша мог согреть руки.

При этом собственные руки учителя всегда оставались ледяными, как сосульки, но сам он этого словно не замечал.

Е Сяои искренне переживал, как этот непутёвый калека устроится в дороге. Цзи Тянь хлебнул в жизни столько горя, пережив сокрушительное падение с вершин славы на самое дно, что Сяо И втайне побаивался: как бы тот под влиянием очередного приступа тоски не решил свести счёты с жизнью, утопившись в какой-нибудь безвестной реке.

Прозя наставника вернуться, Е Сяои хотел дать ему понять: в этом мире есть живая душа, которой он небезразличен, так что нечего спешить на тот свет.

Он лишь пытался показать, что считает его близким человеком, но судьба преподнесла сюрприз. В самую ночь праздника Дуанью до ушей Сяо И донеслись знакомые звуки гуциня.

Его слух настолько сроднился со стилем Цзи Тяня, что едва первые аккорды долетели до комнаты, юноша сразу понял: учитель вернулся.

В ту же ночь он поспешил к Сломанному мосту.

Под бледным лунным диском, заложив руки за спину, стоял всё тот же человек в белоснежной лисьей шубе и с лицом, скрытым маской.

Едва заметив его, Е Сяои радостно замахал рукой:

— Учитель! Вы вернулись! Почему так быстро?

Наставник ведь уехал сразу после новогодних праздников, а на дворе стояло лишь пятое число пятого месяца. На дорогу в один конец обычно уходил месяц, а то и два. Выходит, он пробыл в

разъездах всего ничего и тут же пустился в обратный путь?

Вместо приветствия человек в маске сунул ему в руки пару тёплых цзунцзы.

Развязав завязки своей пушистой лисьей шубы, Мо Юэ накинул её на плечи мальчишки, тщательно укутал его и приглушённым голосом произнёс:

— С днём рождения.

Сердце Сяо И пропустило удар. Наставник, будучи бог весть где, помнил о его празднике и проделал огромный путь лишь ради того, чтобы успеть вовремя.

Забота Цзи Тяня была настолько искренней и бесхитростной, что Е Сяои невольно расплылся в улыбке. Разломив один цзунцзы пополам, он протянул половину мужчине:

— Учитель, давайте вместе.

Так они и сидели в покачивающейся на тёмной воде лодке, уплетая дмящееся угощение. Сяо И мысленно посмеивался над ними: стоять посреди летней жары, укутанным в меховую шубу, да ещё и есть горячие цзунцзы на воде — краше картины для двух идиотов и не придумаешь.

В ту ночь Цзи Тянь словно превратился в ярмарочного фокусника, так и сыпавшего диковинками из-за пазухи.

Сначала появился сладкий виноград из Западного края, следом — забавные безделушки, бамбуковая флейта-сяо и новенький наряд. Учитель строго пояснил, что в день рождения ребёнка наставник обязан одарить его новой одеждой.

Под конец Цзи Тянь с заговорщицким видом извлёк целый кувшин вина. Сяо И так и покотился со смеху:

— И как вы это объясните, почтенный учитель? Неужто решили сподать малолетнего ученика? Мне ведь ещё рано прикладываться к чарке!

Тот лишь лениво повёл бровью, сорвал печать и сделал глубокий глоток прямо из горла. Устремив на юношу затуманенный взор, он насмешливо бросил:

— Пью я, а не ты. Чего это ты губы раскатал?

«Тьфу ты!»

Будь на месте учителя Е Фантянь, Сяо И и ухом бы не повел на подобную уловку. Но перед вызовом наставника устоять не смог.

Выбросив из головы все предосторожности, он выхватил сосуд из рук мужчины, прильнул к горлышку и демонстративно сделал несколько больших глотков. Вытерев подбородок, он победно вскинул голову:

— И выпью! Что с того?!

Цзи Тянь тихо хмыкнул. С хмельной поволокой в глазах он притянул юношу к себе за шею и, накрыв его губы своими, влил порцию вина прямо ему в рот.

Мо Юэ мягко погладил его по горлу, заставляя сделать глоток, после чего он тихо шепнул в самые губы:

— Ну как, ещё глотнёшь?

«Вот же чёрт! Этот всегда такой строгий и неприступный учитель... вытворяет подобные вещи?!»

Сяо И торопливо вытер рот рукавом, мгновенно растеряв всю свою спесь. Проклятый содомит, сладу с ним нет! Совсем стыд потерял, портит невинного ребёнка! Лезет целоваться при каждом удобном случае... Тоже мне, нашёл замену своему ненаглядному Фань Сяоюню!

Цзи Тянь хитро прищурился. Достав из-за пазухи шёлковый платок, он вознамерился завязать им глаза ученику.

— Учитель, побойтесь неба! Вы же пьяны в стельку, какая уж тут игра на гуцине! — взмолился Е Сяои, пытаясь уклониться.

Однако мужчина лишь крепче обнял его со спины, прижавшись губами к чувствительной коже на затылке, и невнятно пробормотал:

— Неужто ты прогонишь своего учителя?..

В груди у Сяо И вспыхнуло глухое раздражение. Этот пьяница точно путает его с кем-то другим!

«Неужто Цзи Тянь когда-то точно так же обучал своего прежнего возлюбленного?»

Стоило представить, что знаменитый актёр театральной труппы Фань Сяоюнь предал его, и

теперь ослеплённый горем учитель просто перенёс нерастраченные чувства на первого попавшегося ученика, как на душе у Сяо И заскребли кошки. Ему было невыносимо тошно от этой мысли.

Вывернувшись, Е Сяои резко развернулся и одним махом сорвал с лица наставника повязку. Уставившись на две уродливые отметины, перечеркнувшие его щёку, он зло выплюнул:

— Ты ведь и Фань Сяююня в учениках держал, так? Он сотворил с тобой такое, а ты всё ещё сохнешь по нему?!

От одной только мысли, что смазливый лицедей мог быть его предшественником, Сяо И брала лютая досада.

Мо Юэ, увлечённый этой забавой, опешил. Он никак не ожидал от мальчишки столь яростной вспышки ревности.

Впрочем, к подобным неожиданностям он подготовился заранее, прекрасно зная характер этого дикого зверька с острыми коготками.

Мо Юэ понимал, что рано или поздно Сяо И сорвёт с него маску, а потому изо дня в день кропотливо накладывал на лицо искусный грим. К тому же, юноша уже не раз пытался тайком подглядеть, что скрывает шёлковая ткань.

Разрез глаз и излом бровей Цзи Тяня до безумия напоминали черты Мо Юэ, и Сяо И раз за разом не мог совладать с любопытством. Сорвав маску в очередной раз, он вновь убедился: сходство действительно было поразительным. Вот только лицо учителя уродовала глубокая рана, в то время как Мо Юэ отличался безупречной, благородной красотой.

Ходили слухи, что эти шрамы Цзи Тяню нанёс его скандальный возлюбленный Фань Сяююнь, запустив в него каким-то тяжёлым острым предметом в разгар ссоры.

Мо Юэ молча поправил повязку на лице, бережно прижал взбудораженного юношу к своей груди и тихо шепнул:

— Не ревнуй. У меня никогда не было иных учеников, кроме тебя. И не будет.

Е Сяои вдруг отчаянно захотелось расспросить его о прошлом. Однако сыпать соль на старые раны наставника казалось верхом непочтительности. Так и не найдя нужных слов, он лишь угрюмо припал к кувшину, заливая досаду хмелем.

Мо Юэ негромко усмехнулся, придвинулся ближе и увлёк юношу в свои объятия:

— Неужели ты любишь меня лишь за то, что я — Цзи Тянь? Если бы я оказался кем-то другим, остался бы я твоим учителем?

Увы, Е Сяои хмелел буквально с нескольких глотков. К этому моменту его разум уже заволокло туманом, и он бессильно привалился к плечу мужчины. Едва расслышав вопрос, он лишь невнятно пробормотал сквозь сон:

— Если ты не Цзи Тянь... то кто?..

Мо Юэ сорвал мешающую ткань и накрыл приоткрытые губы юноши долгим, томительным поцелуем, после чего лукаво прошептал:

— Отгадай.

Сяо И уже окончательно сморил сон, и он не ответил. Мо Юэ вновь прильнул к его губам, уложил податливое тело на доски палубы и зацеловал до изнеможения.

Он слишком долго тосковал по этому несносному мальчишке. Все те бесконечные месяцы, что он провёл среди песков и скал Западного края, его мысли неотступно возвращались к Янчжоу.

Едва уладив дела в Форте Орла, он без оглядки помчался обратно. Спустя полгода разлуки ему хотелось лишь одного: сжать этого упрямяца в объятиях, зацеловать до беспамятства, а потом в шутку отшлёпать и спросить, скучал ли тот по нему хотя бы изредка.

Кто же знал, что мальчишка ухитрится влюбиться в собственного учителя, да ещё и устроит сцену ревности из-за призраков прошлого! Мо Юэ с досадой признал, что перехитрил сам себя. Игры в переодевание зашли слишком далеко, и теперь чувства Сяо И к выдуманному образу грозили обернуться настоящей катастрофой.

Настоящий Цзи Тянь давным-давно спивался в грязных притонах Янчжоу, влача жалкое существование, и Мо Юэ меньше всего желал, чтобы его сокровище вздыхало по какому-то опустившемуся калеке.

Он тяжело вздохнул и осторожно коснулся пальцами пылающей щеки спящего Сяо И.

«Какая ирония... Мо Юэ столько времени крутился подле тебя, но ты даже не взглянул в мою сторону. А стоило фальшивому Цзи Тяню пару месяцев поучить тебя музыке, как твоё сердце дрогнуло. Что же тебя так пленило? Печальная легенда этого безумца или его искусство?»

Но ведь настоящий Цзи Тянь действительно обладал и трагической судьбой, и бунтарским нравом, и непревзойдённым талантом. Мо Юэ не на шутку тревожился: уедет он, а мальчишка случайно наткнётся на своего кумира в каком-нибудь кабаке... Случись такое, беды не миновать.

Сяо И провёл всю ночь в Снежной обители. Стоило ему на рассвете разомкнуть веки, как он первым же делом увидел сидящего у постели учителя.

Юноша мгновенно перекатился на другой бок и с головой зарылся в подушку.

«Проклятье! Похоже, вчера случилось нечто совершенно невообразимое... Учитель... целовал меня? А я... я что, всерьёз ему отвечал?! Неужели это действительно был я, Е Сяои? Господи, я ведь никогда не заглядывался на мужчин!»

Но самое страшное — что теперь подумает наставник? Цзи Тянь был мертвецки пьян и наверняка перепутал его с прежней пассией, но оправдать собственное поведение Сяо И не мог.

«Каково, а? Одиннадцатилетний сопляк отвечает на поцелуи взрослого мужчины!»

От этой мысли ему хотелось просто разбежаться и стукнуться головой о ближайшую стену.

Мо Юэ снисходительно шлёпнул его по голой спине:

— Проснулся — поднимайся...

Договорить он не успел. Сяо И взвился на постели точно ужаленный и с паникой в голосе закричал:

— Какого чёрта?! Почему я голый?!

Мо Юэ присел позади него, ловкими движениями собрал его растрёпанные волосы в аккуратный хвост и буднично набросил на его плечи лёгкие одежды:

— Ты ведь всегда спишь без исподнего. Вчера я перенёс тебя на свою постель, а ты давай стягивать с себя всё подряд...

— Молчи! Молчи, ради всего святого! Ни слова больше, я всё вспомнил! — взмолился Е Сяои, лихорадочно натягивая штаны. Ему казалось, что он готов прямо сейчас провалиться сквозь землю от позора.

Цзи Тянь заботливо обошёл его со спины и принялся завязывать пояс. Когда чужие тёплые руки обхватили его за талию, а сам мужчина навис над ним, закрывая собой весь мир, Сяо И почувствовал, как к голове снова прилила кровь, словно вчерашний хмель и не думал выветриваться. Его уши вспыхнули пунцовым пламенем.

Словно издеваясь, наставник слегка коснулся пальцами его горячей мочки и невинно поинтересовался:

— Чего это ты так покраснелся? Неужто занемог?

Сяо И зажмурился, чувствуя, что теперь ярким румянцем заливает уже всё его лицо.

<http://bllate.org/book/18182/1759333>